

ГАЛИНА
ГЕРАСИМОВА

СЕРДЦЕ СОКОЛА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г37

Серийное оформление — *Виктория Давлетбаева*

Иллюстрация на обложке —
Atanais (Анастасия Бабенко)

Иллюстрации в блоке — *Ksana_Art*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Герасимова, Галина.

Г37 Сердце сокола : [роман] / Галина Герасимова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Folk-фэнтези).

ISBN 978-5-17-162661-7

Выйти замуж за колдуна? Запросто. Уехать в столицу, бросив провинциальную жизнь? Без проблем! Похудеть? Вот с этим сложнее. Но когда твой муж постоянно влипает в неприятности, а ты оказываешься в них втянутой, научись справляться с любой задачей!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162661-7

© Г. Герасимова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

— **В**дохни глубоко. Ещё глубже!
Я послушно выполнила требование мачехи, чувствуя, как узорчатый пояс сдавливает талию сильнее тисков. Кажется, можно было смело забыть, как дышать. Оставалось надеяться, что трещит поясок, а не рёбра.

— Варя, она должна быть как тростинка, как песочные часики, — со стоном выдохнула мачеха, хотя стонать должна была я: именно надо мной они колдовали весь вечер, пытаясь упаковать в нарядное платье. — А у нас что?

В зеркале отражалась курносая русоволосая девушка с нарумяненными щёчками, узкими глазами и с игриво проглядывающим вторым подбородком. Да уж, я мало походила на фею, которую желала видеть мачеха. Что поделать, люблю поесть, а пирожки, копчёности и прочие яства оставляют свой след на фигуре.

Отцу нравилось, он меня ласково называл Оладушкой вместо Лады, а вот мачеха ругалась. А как ей не злиться, если старшую падчерицу никто не хочет брать в жены, с такими-то формами! К её родной дочери — моей младшей сестрице Алёнушке, — начали

свататься ещё с прошлой зимы, а моё девичество занялось.

— Слишком она румяная. — Мачеха покачала головой и щедро добавила на лицо белил. В носу засвербело, и, чтобы не расчихаться, я сморщилась, стараясь глубоко не вдыхать. — Нынче в моде аристократическая бледность, а Лада наша, как поросёночек.

«Зато есть за что подержаться...» — могла бы возразить я, вспомнив, как хохотала на кухне тётка Фрося. Правда, я весьма смутно понимала, что значит эта фраза, и из-за этого снова могла попасть впросак. Недавно вот ляпнула при мачехе присказку «и на старуху бывает проруха», так та едва чувств не лишилась. А когда отошла от удивления, запретила мне ездить со служанками на речку — мол, нечего слушать их болтовню. Я, конечно, расстроилась, но не призналась, что фразу не от прислуги услышала, а от отца.

— Госпожа, а с волосами что делать? — прогудела Варя, приподнимая мою копну.

— Вплети в косу синюю ленту, под цвет глаз. А к платью подойдут бирюзовые серьги. Куда же они запропастились?..

Пока Варя и мачеха искали украшения, я скорбно сидела на стуле, дыша через раз. Было бы ради чего стараться! Подумаешь, смотрины! Таких встреч с полдюжины за последние полгода было, приелись уже. Сговариваясь с женихами, отец благоразумно не показывал мой портрет. Но как только доходило до встречи, глядь, а жениха и след простыл. Приданого за мной богатого не давали, красотой природа

не наградила — и надежда найти богатого, молодого и нежадного зятя таяла на глазах. «Если только слепого!» — хихикала младшая сестрица.

Я на Алёнушку не обижалась. Сама виновата, что так себя запустила. В детстве я носилась по окрестностям, худая как палка: то в поле со стогов кататься, то в лещину за орехами, то на Моревку — переплывала её на спор. А стоило войти в девичество, как вдруг оказалось, что не дело купеческой дочке со слугами в догонялки играть, надо блюсти приличия. Вот я и сбегала в сад с интересной книжкой, чтобы вприкуску с ароматным пирожком почитать о чудесных странствиях!

Стоило вспомнить о еде, как желудок заворчал, сдавленный поясом. Пирожок хотелось нещадно. А не его, так хоть яблоко, я уже и на меньшее была согласна. Мачеха, узнав о приезде жениха, неделю меня не кормила ничем, кроме пустого бульона с утра. Хорошо, что у меня в запасе сухари были, ими и спасалась. Увы, вчера и они закончились.

Поскорее бы с женихом встретиться, а там и голодовка закончится. На суету мачехи я смотрела с равнодушием, не мешая, но и не помогая. Что ни делай, всё равно чучелом выгляжу, а если ещё и Алёнушку рядом поставить, то вовсе никто не взглянет. Поначалу я переживала, плакала от такой несправедливости. И замуж хотела, чего уж там. Потом, правда, послушала, как некоторые семейные пары общаются, и успокоилась. Когда же средняя сестрица приехала из Ярограда — нашей столицы, и рассказала о колдовстве, я начала мечтать, что однажды сама колдуньей проснусь!

Василиса отправилась учиться в Колдовскую Башню, когда мне шёл четырнадцатый год. Ей же едва стукнуло двенадцать, но наши домашние учителя руками разводили, такой она росла умницей. Складывать и вычитать умела, грамоту знала и писала красиво так, с завитушками. А главное, она умела колдовать. Бывало, такие замки из капель воды построит — залюбуешься!

Я любовалась и завидовала по-хорошему, радуясь даже маленьким её победам. Хотелось бы и мне творить чудеса! Но как я ни старалась зажечь свечу силой мысли, всё равно просиживала ночами в темноте. Мачеха, конечно, прознала об этом и поговорила со мной — без криков, по-женски. Объяснила: у каждого своё предназначение. Моё в том, чтобы выйти замуж, родить детей и вести хозяйство.

— Ну вот, готово. Встань.

Варя завершила последние штрихи в моём наряде, украсила уши длинными голубыми серёжками и нацепила бусы в тон. Мачеха критично оглядела меня с ног до головы, поправила складки на платье (как ни поправляй, а жирок не спрячешь!) и вдруг с возмущением охнула:

— Что это за сапоги? Варвара!

— Сейчас исправлю, госпожа. — Она хихикнула в кулачок, глядя на мою обувь, и бросилась к шкафу, где лежали парадные туфельки.

Вот ведь! Охотничьи сапоги, удобные и мягкие, неплохо сидели на моей ноге, но для приёма не годились. С другой стороны, кто их там под платьем разглядывать будет?

Чистенькие туфельки из чёрного бархата на толстовую ногу еле влезли — последний месяц я себя в еде не ограничивала, как предчувствовала голодание. Пройтись в этой изящной обуви по зале я смогла бы, а вот танцевать вряд ли. Но ведь танцевать никто не попросит?

— Послушай. Веди себя, как я учила: глаза опусти, голос не повышай, глупости не болтай. Твой отец с таким трудом отыскал жениха и договорился о выкупе! Постарайся понравиться.

«Или хотя бы не испугать», — не договорила мачеха, но я прочитала всё по взгляду. Ладно, лишь бы жених был не старый и не дурак, а там стерпится — слюбится.

Как я добиралась до залы в тесных туфлях — отдельная история. Шла по начищенному до блеска полу, словно по накатанному льду, боясь сделать лишнее движение. К счастью, раскланиваться с гостями не пришлось. Наученный горьким опытом, отец выделил для встречи светлицу, где я должна была до знакомства с женихом заниматься вышивкой. Бдительная нянюшка сидела рядом, готовая исчезнуть при необходимости. Мачеха так мечтала выдать меня замуж, что собиралась поступиться приличиями. А пока я маялась в ожидании, гостя старательно угощали вином, чтобы мой внешний вид не сильно его смутил. О том, каково мне выслушивать

пьяную, но предельно честную оценку собственной «красоты», никто не задумывался.

— Не грусти, Ладушка. Говорят, жених твой — мужчина хоть и не слишком знатный, но уважаемый. К нему за советом заходят, да и в столице его имя на слуху.

— А слухи хорошие, нянюшка? — на всякий случай уточнила я, делая очередной стежок.

— Разные слухи ходят, — вздохнула старушка. — О том, как сиротам помогает, как драчунов развести может. К тому же о любовницах его никто не слышал, а это немало значит. — Нянюшка обняла меня за плечи, стараясь ненароком не помять платье и не испортить причёску. — Ты с ним поласковой будь, может, и сладится у вас. Горюшко ты моё ненаглядное!

Она всхлипнула, целуя мою макушку, и у меня тоже в носу зашипало. Ну, нянюшка, удружила! Сейчас жених придёт, а я сижу с опухшим от слёз лицом. Будто раньше хороша была!

В дверь постучали. Я быстро вытерла слёзы и вернулась к вышивке. Веточка вышла правдоподобной, листики тянулись к солнцу, как живые, а вот воробушек от волнения сам на себя не походил. Стежки плясали по полотну, превращая солнечные лучи в косой дождь. Ещё и криворукой посчитают! Я сделала маленький стежок, создавая видимость работы, и подняла взгляд, чтобы посмотреть на гостей.

Первым в глаза бросился отец в праздничном алом камзоле с чёрными штанами и начищенными до блеска сапогами. Круглый и низенький — можно было не гадать, в кого я пошла статью. От пышных

некогда волос у бабушки осталась зальсина, прикрытая париком. Мачеха в расшитом жемчугом платье стояла рядом с ним белой лебедушкой.

Следом за родителями зашёл незнакомец, которого мне прочили в мужа. Я только и заметила, что высокий блондин, да взгляд прямой, не робкий — и тут же глаза отвела. Негоже девице на парней заглядываться, даже если это жених.

— Вот и дочь наша, Лада, — заулыбался отец. Щёки у него покраснелись, глаза заблестели, а пряный запах вина разнёсся по светлице. Видно, не по одному бокалу с гостем выпил, прежде чем решился вести его ко мне. — Поздоровайся, милая, со своим женихом Финистом Кощеевичем.

Я отложила вышивку, встала и поклонилась, как мачеха учила: с достоинством, неспешно.

— Здравствуй, Финист Кощеевич. Рада знакомству.

В ответ — тишина. Не такую красоту жених ожидал увидеть. Что дальше будет, я за полгода выучила наизусть. Сейчас скажет, что ему не позволяет жениться давняя клятва — и ищи ветра в поле. Я уже приготовилась выслушать очередной отказ, но отец решил схитрить.

— Пойдём, Никитична, выпьешь чарку за будущее счастье молодых. А детей оставим, пусть пообщаются, — ласково обратился он к нянюшке, а сам покосился на мачеху: правильно ли сказал? Наверное, вчера весь вечер разучивал, что гостю дорогому говорить, чтобы не оплошать.

Нянюшка будто ждала. Куда старость подевалась! Проскакала мимо меня козочкой, а ведь вчера

жаловалась на больные спину и ноги. Мачеха, прежде чем выйти, нахмурила тёмные брови: мол, помни, о чём говорили. И закрыла дверь. А я с женихом осталась.

Страшно стало и смешно. Финист разглядывал меня и молчал, я же уткнулась в рукоделие, делая вид, что вышиваю. Руки так дрожали, что стежки плясали по всему полотну, превращая мелкий дождь в ливень. И о чём говорить? Меня всегда учили, что мужу перечить нельзя. А если жених молчит, то и мне молчать, выходит? Глупо как-то получается. И смотреть на него украдкой глупо. Нет, как ни крути, а ничего худого от разговора не будет.

— Что вышиваешь, невестушка?

— Как добрались до нас, на перекладных? — спросили мы одновременно и неловко замолчали.

Голос у Финиста оказался вкрадчивый, с приятными бархатистыми нотками. Заслушаешься.

— До Больших Ольховиц на своём Ветре, а там поменял.

— Ворона... То есть воробушка.

И снова мы заговорили вместе. Я ещё и ляпнула про ворона! — а как не ляпнуть, когда вышитая птичка на воробушка похожа, как я на лебедушку! Прикусила губу, сгорая от смущения.

— Вы за коня не переживайте, в Ольховицах о нём хорошо позаботятся. И почистят, и напоят-накормят. А если кто из мальчишек захочет прокатиться... То хуже моему Ветру не станет. Он в деннике стоять не привык.

— У вас, наверное, много работы? — понимающе кивнула я.

— У колдунов её мало не бывает, — словно забавляясь, ответил жених.

Внутри всё перевернулось, и теперь я смотрела на него во все глаза, забыв о смущении. У колдунов? Да разве бывают они — такие? Единственным колдуном, которого я видела, был седовласый старик, приехавший за Василисой. Но чтобы молодой и красивый?.. Глупо, конечно, что раньше о таком не подумала: если сестру взяли в ученицы в детстве, то и парней могли забирать довольно рано.

Я так удивилась, что до крови уколола палец. Отдёрнула руку, слизнула набухшую капельку, чтобы не испачкать вышивку, — и поймала внимательный взгляд жениха. Он шагнул ко мне, наклонился. Вот странно: батюшка угощал его вином, но этим напитком от Финиста почти не пахло. Зато доносился аромат леса на рассвете, бодрящий и немного терпкий.

— Боишься? — проникновенно спросил жених.

— Нет, не боюсь, — ответила я честно. — Моя сестра тоже колдунья.

— А ты? — И смотрит так выжидающе.

У меня отчего-то голос перехватило. Казалось, скажи я «да», и он возьмёт меня в жены — некрасивую, неказистую, зато одарённую. Но кто же начинает отношения с вранья?

Я качнула головой, и Финист накрыл мою уколотую руку своей. Провёл пальцем по ранке, словно пёрышком.

— Многого же ты о себе не знаешь, Лада Митрофановна, — загадочно добавил он, и боль ушла.

Не успела я ни расспросить, ни поблагодарить жениха, как он подошёл к закрытым дверям и распах-

нул их настезь. Отец и мачеха с той стороны едва отпрыгнуть успели.

— Где же это видано, чтобы незамужняя девица с мужчиной за закрытыми дверьми сидела? — укоризненно спросил Финист.

Отец пошёл пятнами, а мачеха, наоборот, побледнела. Ведь и вправду, просиди мы наедине подольше и откажись жених от свадьбы — тогда уж точно никто меня замуж не позовёт. Останется разве что за вдовца с кучей малых детей идти или в монастырь.

— Да полноте вам, Финист Кошеевич! Мы вам доверяем, разве бы кто подумал, — замахал руками отец.

— Кто что подумает, его дело, — спокойно возразил Финист батюшке, смотря при этом на меня, — но невесту глупые сплетни могут расстроить. Наедине мы наговоримся, как свадьбу сыграем. — И локоть мне подставил, приглашая вместе в залу пройти.

Нянюшка ахнула. Мачеха ладонь к губам приложила от растерянности. Я тем более не знала, что сказать и сделать. Что же он, неужели не отказывается от свадьбы?

На вид Финист годков на десять меня старше, не больше, и суровости всей — в шраме от губы до подбородка. Да и статный он, в отличие от нас с отцом. Когда руки на груди сложил, синяя ткань рубахи натянулась, и все девицы в зале на него неприлично уставились. Даже сестрица моя, Алёнушка, из-за спин подружек выглянула. Ей всего пятнадцать годков стукнуло, а она заневестилась, расцвела красой. Волосы, как золото, густые, длинные, сама высокая и стройная, и спереди есть на что посмотреть,

и сзади всё ладно. Парни вокруг неё пчёлами вились. Если бы Финисту Алёнушку предложили, он точно согласился бы.

— Митрофан Степанович, дорога была долгой, не до танцев сегодня. Лучше обсудим, когда свадьбу играть. Мне у вас задерживаться некогда, дела ждут.

— Конечно, Финист Кощеевич, как пожелаешь. Может, вина ещё подать? Или блюд каких? — засуетился отец, уводя гостя, чтобы тот меня внимательней не разглядел. Вдруг передумает?

А я забыла, как дышать. К щекам прилила кровь, и я гадала, глядя вслед жениху, как так получилось, что он согласился на свадьбу? Тут подскочила мачеха, быстренько подхватила меня под локоток и повела в опочивальню, чтобы я чего не ляпнула напоследок.

Когда за мачехой закрылась дверь, я заметалась, не находя себе места. Эта свадьба не давала мне покоя! Другая невеста радовалась бы — жених пригож и молод, — но меня одолевала тревога. Чувая я какой-то подвох. Ведь он мог любую выбрать, ту же Алёнушку, и она пошла бы за него, мать с отцом уговорив. Финист за неё приданое получил бы хорошее — отец на младшенькую дочь никогда не скупился. А тут самому платить придётся. Странно всё это.

Я не считала себя глупой: сестра Василиса быстро отучила меня от такой мысли. Однажды привезла